

Къ исторіи русско-германскихъ отношеній въ новѣй- шее время.

I. Безъ маски ¹⁾.

Когда редакторъ *Русской Мысли* потребовалъ отъ меня очерка исторіи русско-германскихъ отношеній, мнѣ показалось *прежде всего* интереснымъ коснуться не того, что писали германскіе дипломаты и какъ поступали германскіе государи, но того, о чемъ они думали и *мечтали*, когда имѣли дѣло съ Россіею. Судьбѣ угодно было до послѣдней степени облегчить разрѣшеніе этой задачи: историку незачѣмъ въ данномъ случаѣ заниматься чтеніемъ въ мысляхъ и сердцахъ. Ему достаточно внимательно изучить одну у насъ почти забытую, но въ Германіи отнюдь не забытую, напротивъ, весьма популярную книжку. Эта книжка, съ восторгомъ встрѣченная вліятельнѣйшею консервативною нѣмецкою печатью, есть основная догма руссовѣдѣнія въ тѣхъ сферахъ германской имперіи, которыя единственно и являются тамъ отвѣтственными за внѣшнюю (да, въ сущности, и за внутреннюю) политику государства. Всякій сколько-нибудь постоянный читатель *Kreuzzeitung*, *Tägliche Rundschau*, *Münchener Neueste Nachrichten*—я нарочно назвалъ довольно несхожіе въ оттѣнкахъ органы—прочтя предлагаемую замѣтку, признаетъ, что идеи Гена о Россіи—съ прямою ссылкою на его книгу или безъ ссылки—широчайшимъ образомъ распространены и постоянно попадаютъ въ консервативной, имперіалистической, патріотической прессѣ Германіи. Но только тамъ онѣ все же болѣе или менѣе замаскированы (хотя и тамъ иногда являются почти безъ маски). Генъ говоритъ полнымъ голосомъ то, о чемъ Теодоръ Шиманъ и *Kreuzzeitung* говорятъ вполголоса и о чемъ Вильгельмъ съ Бетманомъ-Гольвегомъ принуждены были только шептать (по крайней мѣрѣ, до 19 іюля 1914 года, когда стало возможнымъ выбрать любой діапазонъ).

¹⁾ См. ниже замѣчанія въ статьѣ П. Б. Струве.

Болѣе поучительнаго психологическаго документа, нежели книжка Гена, не выдумать. Могу, по крайней мѣрѣ, признаться въ слѣдующемъ: зная,—смѣю думать,—довольно полно всю достаточно поучительную дипломатическую и военную исторію взаимоотношеній германскаго правительства и Россіи, я всетаки *только* послѣ прочтенія книжки Гена вполнѣ отчетливо понималъ, въ сосѣдствѣ съ какимъ смертельнымъ врагомъ живетъ Россія. Генъ договорилъ то, отъ чего стремятся отвлечь вниманіе ласковыя дипломатическія депеши и чего не досказываютъ самыя рѣзкія газетныя статьи.

И всякому разсказу о *словахъ и поступкахъ* германскихъ правящихъ сферъ должно быть предпослано, повторяю, хотя бы краткое повѣствованіе объ ихъ *мысляхъ и чувствахъ*. Послѣ Гена для насъ въ этой области *все* будетъ ясно, какъ на ладони,—все, отъ громаднаго Бисмарка до крошечнаго кронпринца. Рѣдко историку попадается въ руки такая крѣпкая и надежная Ариаднина нить, какъ въ данномъ случаѣ.

Викторъ Генъ (1813—1890 гг.) самъ по себѣ—цѣлый психологическій романъ на тему о русско-нѣмецкихъ отношеніяхъ,—романъ, авторомъ котораго была сама жизнь. Прибалтійскій уроженецъ, сначала лекторъ дерптскаго (юрьевскаго) университета, потомъ бібліотекаръ Императорской публичной бібліотеки, выслужившій пенсію, получившій на службѣ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и потомственное дворянское достоинство и сейчасъ же перебравшійся доживать свой долгій вѣкъ въ Берлинъ, Генъ,—такъ представляется читателю его книги,—всѣ семьдесятъ семь лѣтъ своей жизни прохлопоталъ какою-то изступленною злобою и ненавистью къ странѣ, которая его кормила, давала ему чины и награды, отъ которой онъ получилъ то, что едва ли caeteris paribus ему дала бы Германія. Миѣ вспоминается тяжелое недоумѣніе, вызванное появленіемъ его книжки „De moribus ruthenorum“ (Stuttgart, 1892) въ покойномъ Н. К. Михайловскомъ, который какъ-то выразился (въ печати), что именно подобныя произведенія вполнѣ могутъ пробудить въ обществѣ дремлющій истиннѣ національнаго озлобленія, породить отвѣтный взрывъ.

Интересный ученый, авторъ замѣчательнаго и выдержавшаго много изданій изслѣдованія о миграціи животныхъ и растений („Kulturpflanzen und Haustiere in ihrem Uebergang aus Asien nach Europa“), Генъ былъ, вообще говоря, человѣкомъ умнымъ и начитаннымъ. По убѣжденіямъ своимъ онъ, особенно къ концу жизни, окончательно застылъ въ упорномъ и раздраженномъ консерватизмѣ, въ „культѣ“ внѣшней и внутренней политики Бисмарка (что нѣмецкіе біографы Гена отмѣчаютъ съ видимымъ восхищеніемъ). Его книжка, единственно тутъ насъ интересующая, составила изъ дневниковъ и замѣтокъ, найденныхъ,

собранныхъ и изданныхъ уже послѣ его смерти весьма родственнымъ ему по духу историкомъ (и передовикомъ изъ *Kreuzzeitung*) Теодоромъ Шиманомъ, однимъ изъ его близкихъ друзей.

Эта книжка—поэма ненависти и злобнаго презрѣнія къ русскому народу. Нечего и говорить, что Генъ органически *не понимаетъ* ни русской природы, ни русской исторіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, искреннѣйше считаетъ себя глубокимъ, проникновеннымъ знатокомъ русской души, русскаго человѣка. Нечего и говорить также, что критики по существу, опроверженій и протестовъ афоризмы Гена не заслуживаютъ: это значило бы оказывать имъ слишкомъ много чести. Русскій народъ и Викторъ Генъ—величины слишкомъ несравнимыя; и книжка Гена есть, прежде всего, явленіе своеобразно-патологическое, интересное съ точки зрѣнія характеристики автора (буде подобная тема кого-либо привлекла бы). Если съ его произведеніемъ все же слѣдуетъ ознакомиться (отнюдь не унижаясь при этомъ до критики), то, повторяю, исключительно потому, что эта книжка имѣла въ Германіи немалый кругъ читателей, что профессоръ и публицистъ, личный пріятель Вильгельма II Шиманъ и его послѣдователи вполне съ Геномъ согласны, что, словомъ, бѣшеная злоба Виктора Гена говоритъ о многомъ такомъ, о чемъ другіе либо не имѣли случая высказаться, либо высказывались съ меньшимъ темпераментомъ. Безъ Гена мы не поймемъ вполне точно, каково истинное отношеніе къ русскому народу той юнкерской клики, которая устами своихъ призванныхъ представителей объявила теперь Россіи войну.

Такъ какъ книжка состоитъ изъ замѣтокъ и записей, расположенныхъ въ формѣ дневника, въ хронологическомъ порядкѣ, то и мы не будемъ особенно мѣнять этотъ порядокъ; тѣмъ болѣе, что немногихъ выдержекъ намъ вполне хватитъ для характеристики этого посмертнаго пасквиля русскаго благонамѣреннаго чиновника, дѣйствительнаго статскаго совѣтника и нѣмецкаго патріота.

Дневникъ начинается 8 февраля 1857 г., а кончается 11 августа 1873 г. и *ничего*, кромѣ многообразной ругани и хулы на Россію и русскихъ, онъ не содержитъ въ себѣ. Для большей точности я буду приводить нѣкоторые мѣста также въ подлинникѣ.

„Въ Россіи нѣтъ ничего идеальнаго... Изъ Россіи не начнется новой эры, развѣ только это будетъ эра огрубленія, разрушенія (*von Russland wird keine Aera ausgehen, als eine der Brutalisierung, der Zerstörung*, стр. 41). Даже русскіе черепа, лица, глаза кажутся нашему автору неприятными, пошлыми. (NB. Курьезно отмѣтить, что самъ Генъ, судя по портретамъ, былъ въ высшей степени безобразенъ.) Честь и чувство долга у русскихъ неизвѣстны, господствующій характеръ—склонность къ мошенничеству (*Ehre und Pflicht sind unbekannt, übertünchte Schuf-tereı ist vorherrschend*, стр. 41). Въ глазахъ у русскихъ никогда нельзя

подмѣтить мечтательности, одна только хитрость во взорѣ; и, вообще, глаза у нихъ стеклянные (das russische Auge ist ein merkwürdig gläsernes, schwärmerische Verzückerung spricht nimmer aus diesem Blick, bloss Pffiffigkeit). И не только глаза у русскихъ стеклянные, но и голосъ у нихъ нѣтъ: лучшіе пѣвцы—нѣмцы, а въ русской оперѣ нѣтъ ни у кого голоса, и *nicht* въ Россіи нѣтъ ни одного голоса (nicht eine Stimme! Ein Königreich für eine Stimme! Es findet sich Keine und giebt nirgends eine. Die Besseren darunter sind Deutsche, стр. 67). И не только голосовъ у нихъ нѣтъ, но и совѣсти (Die Russen haben kein Gewissen, стр. 52). И не только совѣсти, но и вкуса и т. д., и т. д. Если рускіе ненавидятъ Германію, то это потому, что они не имѣютъ понятія объ организованномъ обществѣ (sie haben keinen Begriff von organisirter Gesellschaft, darum hassen sie Deutschland, стр. 189). Въ Россіи все „антиидеально“, грубо, пошло. Все лучшее идетъ въ Россію отъ нѣмцевъ; и Генъ самымъ *серьезнымъ*, нѣмецко-педантскимъ образомъ указываетъ на то, что даже „знаменитѣйшія“ („die berühmtesten“) „лоретки“ (какъ онъ выражается) въ Россіи „всегда только нѣмки, большею частью изъ остзейскихъ провинцій“, ибо русскимъ женщинамъ для этого занятія „недостаетъ внутренняго благородства“. Эти отзываются карикатурою, но *серьезныя* строки находятся на стр. 24 (es fehlt der innere Adel, die Menschlichkeit). И лучшія „лоретки“, и лучшіе чиновники—всегда изъ нѣмцевъ, по словамъ Гена, и тоже „meist aus den Ostseeprovinzen“. Онъ ненавидитъ русскихъ не только въ ихъ настоящемъ, но и въ ихъ будущемъ, во всѣхъ ихъ стремленіяхъ. Ему не нравится, что Чернышевскій многого ждетъ отъ общины, ибо рускіе не способны все равно ни къ чему. Народъ „безъ творческой силы“, „забывающійся въ водкѣ“, „чувствующій себя въ повиновеніи приказу, какъ въ природной стихіи, народъ, съ которымъ посредствомъ приказаній и розогъ можно все сдѣлать... безличная масса для повелителей, варяговъ, нѣмецкихъ экзерцирмейстеровъ“ (стр. 40). Генъ съ раздраженіемъ отрицаетъ за русскими всякую способность къ самоуправленію; онъ злобно осмѣиваетъ реформы 60-хъ гг. и возмущенъ, что въ Россіи отмѣнены тѣлесныя наказанія; онъ только *надѣется*, что законъ этотъ не будетъ исполняться: „*на счастье* въ этомъ случаѣ законы безсильны,—жизнь вносить въ нихъ поправки (das Leben corrigiert sie). Вотъ „и въ школахъ были примѣнены кротость и вѣжливость. Что же вышло?“ Ничего хорошаго, по мнѣнію Гена. (Онъ для пущей ядовитости пишетъ русское слово: „auch in den Schulen wurde *Krotost* und *Höflichkeit* angewandt“, стр. 96.) Онъ пресерьезно увѣряетъ, что любовь къ тѣлеснымъ наказаніямъ исходитъ изъ самой глубины русской народной души (aus dem Innersten der Seele dieses Volkes entnommen), и въ доказательство приводитъ глупый анекдотъ о какомъ-то рабочемъ, который будто бы желалъ, чтобы его высѣкли

(стр. 214). Вотъ почему Гену не нравится и министръ Милютинъ со своими гуманными затѣями, особенно изъ-за уничтоженія сѣченья въ арміи (стр. 201). Вообще, онъ съ особымъ азартомъ стремится облить грязью именно всѣ попытки Россіи выйти на широкій путь европейской культуры. Судъ присяжныхъ вызываетъ въ немъ лишь желаніе рассказать какую-то сплетню объ оправданіи мошенника, похитившаго 30,000 у одного знатнаго лица; оправданіе послѣдовало только, молъ, потому, что Шуваловъ, начальникъ 3-го отдѣленія, и министръ юстиціи Паленъ интересовались этимъ дѣломъ и требовали справедливости и наказанія виновнаго (а присяжные имъ въ пику виновнаго оправдали). И еще такія же обывательско-злбненькія соображенія (стр. 161—162), и выводъ предоставляется читателю сдѣлать самому: не ясно ли, что русскій народъ не способенъ имѣть судъ присяжныхъ? Къ суду присяжныхъ онъ возвращается нѣсколько разъ, всегда со злобною ироніею.

Есть нѣчто почти столь же изумительное по размѣрамъ, какъ злоба Гена: это его непроходимое *невѣжество* относительно всего, что касается русской жизни, русской культуры и особенно русской психики, и Теодоръ Шиманъ, восторгающійся его глубокимъ знаніемъ Россіи, выдаетъ этимъ лишь аттестатъ самому себѣ. Въ 1868 году Генъ пишетъ о русскихъ: „Тридцать лѣтъ тому назадъ они говорили только по-французски, и сочиняли стихи и писали свои книги на этомъ языкѣ...“ „...теперь они, къ сожалѣнію, грамотные“... (jetzt sind sie leider *gramotnije* geworden, стр. 163). Итакъ, значить, въ 1838 году русскіе писали *только* на французскомъ языкѣ, спустя годъ послѣ смерти Пушкина, въ расцвѣтѣ дѣятельности Гоголя и Лермонтова! Развѣ найдется въ Россіи историкъ или публицистъ, который унизится до полемики съ Геномъ, до опроверженія Гена? Съ нимъ нужно не полемизировать, но разсматривать и изучать его какъ любопытное этно-патологическое явленіе. Послѣдуюмъ дальше. О существованіи русскихъ писателей, тѣхъ же Пушкина, Гоголя онъ всетаки знаетъ (интересно лишь было бы выяснить, къ какой эпохѣ онъ ихъ относитъ?). Но, конечно, вся русская литература не Богъ вѣсть что: „я читаю теперь Пушкина и до сихъ поръ не натолкнулся ни на что особенное“... Зато Генъ добрался до того, въ чемъ именно порокъ Пушкина и чѣмъ Пушкинъ націоналенъ: мало въ немъ нравственности и души (...wo eigentlich der Schaden des Dichters und die Nationalität steckt: Mangel an Sittlichkeit und Seele, стр. 156). Это еще наиболѣе приличное съ внѣшней стороны мѣсто, которое относится въ книгѣ Гена къ русскому реалистическому искусству; есть и другое, настолько гнусное не по смыслу лишь, но и по употребленнымъ выраженіямъ, что читатель разрѣшить мнѣ его не приводить. Гоголь—не лучше Пушкина: у него полное отсутствіе какой-либо цѣли, возвышеннаго взгляда, идеальной точки зрѣнія въ его писаніяхъ (Abwesenheit irgend

eines Zweckes bei diesen Darstellungen, irgend einer höheren Auffassung, irgend eines idealen Gesichtspunktes). Вообще нѣтъ у Гоголя „истиннаго юмора и благородства души“ (стр. 177); кромѣ того, Гоголь въ „положительномъ поэтическомъ“ творествѣ—„очень ограниченная голова“. Не просто ограниченная, но *очень* (sehr beschränktes Kopf, стр. 210). Въ области музыки Глинки, Сѣровъ и т. д.—ничтожны, даже прямо отвратительны (abstossend, trivial, gemein, roh, стр. 221), и вообще русскіе совсѣмъ неспособны понимать и создавать настоящее искусство, истинную музыку, оригинальную живопись. Да и къ чему они способны? Что они любятъ? Впрочемъ, вотъ что они любятъ, по мнѣнію Гена: повиноваться нѣмцамъ; и *чѣмъ грубѣе и своевольнѣе нѣмецъ, тѣмъ меньше ему сопротивляются* (je gröber der Deutsche ist, je starrer und eigenwilliger, destoweniger wird er angefochten, стр. 173). Русскій народъ, нужно презирать, погубѣе съ нимъ обращаться, а главное—бить, бить и бить его. И Генъ! въ постоянномъ отчаяніи, что Александръ II уничтожилъ тѣлесныя наказанія: къ этой рапѣ своего сердца нашъ авторъ снова и снова возвращается. „Быть можетъ, наилучшею изъ всѣхъ введенныхъ въ послѣднее время реформъ была отмѣна тѣлесныхъ наказаній. На русскихъ ничто, совсѣмъ ничто не дѣйствуетъ, кромѣ тѣлеснаго наказанія, но оно дѣйствуетъ волшебнo (auf den Russen wirkt sonst nichts, gar nichts, aber gerade dieses zauberisch, стр. 171). Есть у Гена одно горькое нападеніе на правительственный деспотизмъ въ Россіи; горестнымъ послѣдствіемъ проявленія деспотической власти явилась отмѣна крѣпостного права: „что дворянство потерпѣло при этомъ неслыханныя потери, это не было принято во вниманіе въ деспотическомъ государствѣ, въ націи, которая привыкла къ несчастью, ниспосылаемому свыше“ (стр. 86), скорбно иронизируетъ Генъ.

Я прошу читателя повѣрить мнѣ, что я выбралъ отнюдь не *самыя* паглыя по формѣ и не *самыя* гнусныя по содержанію страницы Гена. Есть много хуже. Повторяю: болѣе злобы и презрѣнія къ Россіи и русскимъ *нельзя* себѣ представить; авторъ отрицаетъ за русскимъ народомъ хоть какое-либо *одно*, самое скромное моральное качество; при этомъ Генъ алчетъ лишь того, чтобы русскій народъ на вѣки вѣковъ оставался въ томъ безотрадномъ, унижительномъ, рабскомъ, забитомъ, нищенскомъ положеніи, которое онъ съ упоеніемъ расписываетъ, безмѣрно преувеличивая, выдумывая, болтая зря, со злорадствомъ изображая вмѣсто Россіи эпохи реформъ Александра II какую-то Дагомею и съ жаромъ одобряя именно пережитки николаевщины, остатки крѣпостничества. Я настаиваю также на томъ *нестыжествѣ*, которое *implicito* постоянно проявляетъ авторъ, на поразительной поверхностности во всемъ, что касается русской жизни, на курьезнѣйшей самоувѣренности ослѣпленнаго ненавистника, полагающаго, что онъ проникъ въ самыя глубины русской народной души.

Теперь обратимся къ тому, что даетъ этой книжкѣ Гена не только историческій, но и злободневный интересъ. Мы не имѣемъ никакого права сказать: таковы *были* воззрѣнія одного злобнаго нѣмецкаго реакціонера въ срединѣ XIX столѣтія; мы не можемъ даже ограничиться признаніемъ, что таковы были идеи и пожеланія касательно Россіи, распространенныя вообще среди нѣмецкихъ реакціонеровъ и крѣпостниковъ *того* времени. Подобное благодушно-успокоительное утвержденіе было бы чрезвычайно неосновательнымъ. Г. Теодоръ Шиманъ, нынѣ здравствующій ученый другъ императора Вильгельма II, былъ бы въ правѣ обидѣться на такое игнорированіе его особы.

Дѣло въ томъ, что при жизни Викторъ Генъ не издалъ своей книжки „De moribus ruthenorum“: очевидно, боялся, какъ бы не отняли пенсіи, ибо трудно въ данномъ случаѣ предположить именно съ его стороны иной мотивъ. Но его другъ и апологетъ, Теодоръ Шиманъ, издалъ это произведеніе вскорѣ послѣ смерти Гена, въ 1892 году. Онъ предпослалъ этому изданію небольшое предисловіе, въ которомъ торжественно объявляетъ Гена *первокласснымъ знатокомъ* русскаго народа, русскаго народнаго естества (...dass hier ein Kenner ersten Ranges sein Urtheil über das russische Volksthum niedergelegt hat; l. c., предисловіе, 12); по мнѣнію Шимана, Генъ „основательно“ изучилъ „русскую литературу, журналистику и русскую науку“. Мало того. За послѣднія семнадцать лѣтъ жизни Гена, т.-е. именно за тѣ годы, которые Генъ провелъ въ Берлинѣ, Шиманъ съ нимъ бесѣдовалъ устно о „тѣхъ же предметахъ“, т.-е. о Россіи и русскихъ; Генъ не измѣнилъ своего сужденія, констатируетъ его собесѣдникъ, и прибавляетъ, что „ничего не могло быть болѣе поучительнымъ“, нежели эти разговоры. Замѣтимъ хорошо эти отзывы Шимана и перейдемъ къ другой книжкѣ, къ особой монографіи Шимана о Викторѣ Генѣ, появившейся въ 1894 году („Viktor Hahn. Ein Lebensbild“. Stuttgart, 1894). Это уже не коротенькое предисловіе,—и здѣсь Шиманъ даетъ просторъ своему восторгу и преклоненію предъ личностью, умомъ, познаніями, талантами и заслугами своего героя; не думаю, чтобы съ болѣею теплотою и любовью, съ болѣеимъ восхищеніемъ и взволнованнымъ признаніемъ можно было бы писать о Гарибальди или Бѣлинскомъ. И въ этомъ житіи мы читаемъ (на стр. 180) внушеніе Шимана читателямъ „De moribus ruthenorum“, чтобы они отнюдь не принимали сужденій Гена о Россіи *только* за „выраженіе національной антипатіи“: нѣтъ, Генъ „глубоко“ и полно понималъ „славянскую натуру“. Вообще же, по мнѣнію Шимана, какъ бы „жестка“ ни была „формулровка“ оцѣнки русскаго народа, сдѣланная Геномъ, все же „въ существенномъ Генъ, безъ сомнѣнія, правъ“ (стр. 179). Генъ, по сообщенію Шимана, не переставалъ мечтать о конечной побѣдѣ Германіи надъ Россіею: „онъ видѣлъ, какъ приближается Неме-

зида. Въ противоположность распространенной въ Германіи переоцѣнкѣ мощи русскаго колосса онъ указывалъ на глиняныя ноги великана; *mores ruthenorum*, казалось ему, опровергаютъ мнѣніе, будто эта раса обладаетъ внутреннимъ содержаніемъ, чтобы совладать съ культурою, вырабатывавшейся вѣками. Русскій формальный реализмъ казался ему безсильнымъ противъ идеальныхъ силъ Запада, и если у него чѣмъ дальше, тѣмъ больше пропадала надежда пережить великое рѣшеніе (борьбы) между Востокомъ и Западомъ... у него оставалась увѣренность, что рѣшеніе должно послѣдовать, а каковъ будетъ исходъ, объ этомъ ему говорило его знаніе *mores ruthenorum* („*De mor. ruth.*“, предисловіе, стр. 14).

Очень жаль, что Шиманъ позабылъ прибавить тутъ, что въ одномъ мѣстѣ своей книги Генъ вполнѣ точно говоритъ, на чемъ основываются его надежды на побѣду Германіи („*De moribus ruth.*“, 125): „И всетаки опасность велика для Европы. Масса славянъ—огромна, они уже теперь охватываютъ Европу двумя сильными руками. Казаки явятся на своихъ лошадяхъ, со своими нагайками и пиками и все снесутъ прочь. Потребностей у нихъ нѣтъ, въ разрушеніи они мастера, сердца у нихъ нѣтъ, они безчувственны. И если перебить сотни тысячъ ихъ, то явятся другія сотни тысячъ, какъ саранча. И опять можетъ дойти дѣло до шалонской битвы, относительно которой никто не можетъ сказать, каковъ будетъ ея исходъ... *До поры, до времени ихъ еще уничтожаетъ водка, которая, при такихъ обстоятельствахъ, еще можетъ оказаться благодѣтельницею челоуѣчества*“. Смерть, унесшая Гена за 24 года до воспрещенія продажи спиртныхъ напитковъ въ Россіи, избавила его, такимъ образомъ, отъ слишкомъ тяжкаго безпокойства за судьбу „челоуѣчества“. И, судя по показаніямъ Шимана, въ послѣдніе годы своей жизни Генъ уже не боялся войны Германіи съ Россіею, а какъ бы жалѣлъ только, что не дождется столкновенія.

Эта грусть дѣйствительнаго статскаго совѣтника Гена, что ему не удастся дожить до войны Германіи съ Россіею,—грусть, смягчаемая свѣтлою надеждою на побѣду Германіи (и даже *увѣренностью* въ такой побѣдѣ), кажется Шиману въ высшей степени трогательною въ челоуѣкѣ, который всю жизнь ѣлъ русскій хлѣбъ (и продолжалъ его ѣсть также въ Берлинѣ, грустя и надѣясь). Тутъ особая психологія, съ которой ничего не подѣлаешь,—психологія не только Гена, но и Шимана (она, впрочемъ, и вся у нихъ обоихъ общая). Ибо Шиманъ тоже совершенно не понимаетъ, какія чувства можетъ въ сколько-нибудь безпристрастномъ и брезгливомъ челоуѣкѣ возбуждать его герой, всю жизнь получающій деньги отъ Россіи и плюющій въ ту же Россію бѣшеною слюною, призывающій на пее „Немезиду“, желающій русскому народу всякой гибели (я подчеркиваю: *народу*, потому что самое нена-

вистное для Гена въ Россіи—не русское правительство, не тѣ или инныя черты русскаго строя, но весь русскій народъ, какъ цѣлое, и особенно демократическіе слои народа).

И Шиманъ тоже, конечно, вполне убѣжденъ, какъ и Генъ, что Пушкинъ и его почитатели—грубые, чувственные, безправственные низменные реалисты, а Бисмаркъ и его почитатели суть „идеальныя силы Запада“, съ которыми эти низменные апантіи, открытыя Геномъ, конечно, не справятся. *Ни одной оговорки, ни одного смягченія, ни одной поправки къ Гену Шиманъ не дѣлаетъ.* При этомъ Моисей онъ Ааронъ, при этомъ Лютеръ онъ Меланхтонъ; его роль—роль почительнаго и любящаго глоссатора, а вовсе не критика. Шиманъ—серьезный историкъ (и даже много работавшій въ области именно русской исторіи). Но тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о Россіи, обязательное, азбучное для историка правило—считаться съ эволюціей, подмѣчать перемѣны—совсѣмъ теряетъ для него свою силу. Допустимъ, что весь злобный вздоръ, написанный Геномъ о Россіи, правдивъ отъ первой буквы до послѣдней; допустимъ, по крайней мѣрѣ, что Шиманъ въ этомъ увѣренъ. Почему же онъ *и съ этомъ случаемъ* принимаетъ безусловно выводы и характеристики Гена вообще, признаетъ ихъ правдивость *на епкіи епчныя?* Вѣдь отъ 1857 г., когда начинаются записи Гена, до 1894 года, когда Шиманъ написалъ восторженный гимнъ въ формѣ біографіи Гена, могло же что-нибудь въ Россіи и русскомъ народѣ измѣниться? Съ этимъ соображеніемъ Шиманъ совсѣмъ не сталкивается. Все то, что Дюмонъ-Дюрвилъ рассказывалъ о дикаряхъ въ началѣ XIX столѣтія или Миклуха-Маклай въ концѣ XIX столѣтія, рисуеъ картины, мало отличающіяся отъ воспоминаній моряковъ и путешественниковъ XVI—XVII вв.: у „не-историческихъ“ народовъ эволюція неуслѣдима. Что русскій народъ—историческій, этого при всей суровости его нѣмецкихъ бытописателей они отрицать не могутъ; но признать возможность *эволюціи* въ его жизни они всетаки никакъ не хотятъ. Генъ въ 1860-хъ годахъ прямо пишетъ, что характеристика, сдѣланная Олеаріемъ (посѣтившимъ Россію при Михаилѣ Теодоровичѣ), примѣнима и къ срединѣ XIX вѣка; а Шиманъ въ срединѣ 90-хъ годовъ XIX вѣка признаетъ безъ оговорокъ то, что Генъ говоритъ о 50-хъ и 60-хъ годахъ. Можетъ ли нѣмецкаго Миклуху-Маклая остановить то соображеніе, что у живописуемыхъ имъ полинезійцевъ оказались въ наличности Пушкинъ (хотя бы грубый и низменный), Гоголь (хотя бы лишенный „истиннаго юмора“) и другія подробности, встрѣчаемыя все же не у всѣхъ дикихъ племенъ? Всетаки на то, чтобы признать за Россією возможность эволюціи, ни Генъ, ни Шиманъ не пошли.

Психологія Гена *теперь* для насъ тѣмъ и интересна, что она есть въ то же время всецѣло и психологія Шимана, какъ явствуетъ вполне

точно изъ вышеприведеннаго. А Шиманъ—это дѣятель 1914 года, сегодняшній и завтрашній, другъ и конфидентъ Вильгельма II; онъ разбѣзжаетъ съ Вильгельмомъ II на яхтѣ „Гогенцоллернъ“, онъ пишетъ внушенныя правящими сферами передовицы въ *Kreuzzeitung*, онъ—перо консервативной партіи рейхстага и особенно прусскаго ландтага, словомъ, онъ одинъ несравненно ближе къ *реальному* вліянію на текущія государственныя дѣла, нежели, напримѣръ, вся многомилліонная социаль-демократическая партія со всѣми ея Эюдекумами, сколько бы они ни демонстрировали свой патріотизмъ.

Выводъ ясенъ: прусскіе реакціонеры, „восточно-эльбскіе“ юнкеры, наиболѣе тѣсно сплоченный вокругъ Вильгельма II кружокъ его друзей,—словомъ, всѣ тѣ люди, знамя которыхъ высоко держитъ Шиманъ и которые въ іюль 1914 г. болѣе всего жаждали открытія военныхъ дѣйствій противъ Россіи, ведутъ нынѣшнюю войну не затѣмъ только, чтобы урѣзать въ свою пользу часть русской территоріи, даже не затѣмъ только, чтобы экономически поработить Россію, навязавши ей разорительный для нея торговый договоръ, но и затѣмъ, чтобы, если дѣла пойдутъ ужъ очень хорошо, по возможности посодѣйствовать прочному превращенію русскаго народа въ подъяремныхъ, нищихъ, пьяныхъ, забитыхъ рабовъ. Это—идеаль, мечта, быть можетъ, далекая, несбыточная, но искренняя и горячая мечта. „Наихудшая (die schlimmste) изъ всѣхъ русскихъ реформъ—это отмѣна тѣлесныхъ наказаній!“ говоритъ изъ гроба покойный Генъ. „Въ высшей степени плодотворныя мысли, höchst fruchtbare Gedanken!“ съ восторгомъ отзывается съ борта яхты „Гогенцоллернъ“ благополучно здравствующій Теодоръ Шиманъ, живое звено между Геномъ и Вильгельмомъ, личный другъ того и другого.

Мы всѣ знаемъ, что, кромѣ Гена (и въ томъ же XIX вѣкѣ), въ Россіи жили и увѣковѣчены художественною литературою и другіе нѣмцы: и тургеневскій Леммъ, и докторъ Герценштубе изъ „Братьевъ Карамазовыхъ“, и докторъ Веймаръ, до послѣдняго издыханія облегчавшій бѣды и врачевавшій болѣзни страдальцевъ и страдалицъ въ далекой Сибири, и докторъ Гаазъ, одной жизни котораго хватило бы на нѣсколько каноизацій, и несчастный, благородный мечтатель Кюхельбекеръ; и только тѣ, кто сами внутренне похожи на Гена, могутъ отождествить съ Геномъ *всѣхъ* людей его національности или даже большинство ихъ. Мы знаемъ также, что въ самой Германіи ни социаль-демократы, ни свободомыслящіе, ни люди близкихъ къ нимъ направлений не повторяютъ о Россіи того, что о ней говоритъ Генъ; мы знаемъ, что было бы въ высшей степени легкомысленно и прямо предосудительно изображать дѣло такъ, будто Генъ является выразителемъ мнѣній хотя бы средней интеллигенціи Германіи, большихъ массъ герман-

скаго общества. Личное мое мнѣніе, что *численно* поклонники взглядовъ Гена *въ ихъ интегральной цѣлостности* составляютъ въ Германіи весьма и весьма скромную по размѣрамъ группу людей.

Но вѣдь была же достаточно сильна эта группа, чтобы вопреки возмущенію миллионныхъ народныхъ массъ удержать въ Пруссіи такое издѣвательство надъ здравымъ смысломъ, справедливостью, народнымъ достоинствомъ, какъ трехклассовую избирательную систему; остается же она достаточно сильною, чтобы сохранить въ своихъ рукахъ всю полноту исполнительной власти и *фактически* всегда почти проводить свою волю и въ законодательствѣ; оказалась же она настолько могущественной, чтобы совсѣмъ ужь безконтрольно распоряжаться внѣшнею политикою имперіи. Отъ Гена и его братьевъ по духу немало страдала и еще страдаетъ германская демократія, но пока именно съ нимъ и съ его умонастроеніемъ сосѣдямъ Германіи приходится считаться больше всего.

Кончаю тѣмъ, съ чего началъ: безъ пониманія Гена мы не поймемъ и кронпринца; безъ пониманія Шимана не поймемъ и Вильгельма II, главное, не поймемъ въ точности *истиннаго* ихъ отношенія къ Россіи и русскому народу, не разберемся въ прочномъ, несокрушимомъ возрѣніи на Россію, царящемъ въ потсдамско-берлинскихъ верхнихъ слояхъ, потеряемъ въ часто противорѣчивыхъ съ внѣшней стороны, хотя и *всегда* однотонныхъ по существу постукахъ и изъясненіяхъ берлинскаго двора и правящихъ сферъ касательно Россіи. Генъ водилъ рукою Вильгельма I, когда тотъ благожелательно предостерегалъ въ письмѣ русскаго императора отъ введенія въ Россіи народнаго представительства; Генъ произнесъ, забравшись въ канцлера Булова, гнусно-игривую рѣчь о развраченности русскихъ курсистокъ; Генъ похвалялся въ іюлѣ 1914 года отбросить Россію въ Азію; Генъ безчинствовалъ въ Калишѣ, и отъ Гена, будемъ надѣяться, избавить теперь Европу тотъ самый русскій народъ, который такъ многообразно и долго отъ него терпѣлъ. А за Европою, несомнѣнно, избавится отъ Гена и сама Германія. Жаль только, что такую дорогою цѣною приходится за это общее избавленіе платить.

Евг. Тарле.